

скольких переписей могли способствовать объективности картины. Однако в 1917 г., в год предполагаемой второй переписи, империя фактически прекратила свое существование. Иными словами, несмотря на ряд недостатков, данные Переписи 1897 г. являются единственным максимально достоверным источником о количестве и составе населения Российской империи в конце XIX.

1. Всеобщая перепись населения. Проект наставления сельским счетчикам. – [Санкт-Петербург, 1896]. – 40 с.
2. Котельников, А. Н. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. / А. Н. Котельников. – Санкт-Петербург : тип. Акционер. О-ва Слово, 1909. – 124 с.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Т. 1–89 / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899–1905. – [Вып. 7] : Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. – 1905. – 38 с.
4. Пландовский, В. В. Народная перепись / В. В. Пландовский. – Санкт-Петербург : тип. Штаба Отд. корпуса погран. стражи, 1898. – XVI, 378, [1] с.; 25.
5. Таблица XII. «Распределение населения по вероисповеданиям» // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Том 5 : Витебская губерния, тетрадь 3 (последняя). – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. – С. 74–75.
6. Таблица XIV. Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Том 5 : Витебская губерния, тетрадь 3 (последняя). – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. – С. 80–115.
7. Таблица XV. Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам // Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – Том 5 : Витебская губерния, тетрадь 3 (последняя). – [Санкт-Петербург] : издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. – С. 116–143.
8. Фортунатов, А. Ф. О редакции личных вопросов Всероссийской переписи / А. Ф. Фортунатов. – Москва: тип. «Русских ведомостей», [1913]. – 8 с.
9. Распределение населения Империи по главным вероисповеданиям / разработано Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел по данным Первой всеобщей переписи 1897 г. 31 авг. 1901 г. – [Санкт-Петербург] : типография Спб. акц. общ. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1901. – 40 с. ; 35.

Брюханова Е.А., Иванова Н.П.
ЧИСЛЕННОСТЬ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ 1897–1917 ГГ.:
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАТИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ¹

Период конца XIX – начала XX в. для Сибири стал этапом активных трансформационных процессов, обусловленных рядом факторов – строительством и введением в действие Транссибирской магистрали, ее отдельных веток, государственной политикой добровольного и принудительного переселения населения из европейских территорий, необходимостью укрепления государственных границ и др. Все это способствовало изменению численности и состава региона, высокой миграционной активности населения, в том числе городского. Происходили такие демографические изменения, как: изменения административно-территориальной принадлежности городов, сети и статуса городов (например, появление новых административных центров), рост численности городского населения. В этой связи интерес представляет динамика численности населения городов Сибири, как один из важнейших показателей происходящих демографических процессов. В связи с этим возникает вопрос о выборе наиболее достоверных источников статистических данных, отражающих такие процессы. Их много, но мы выбрали официальные издания: Статистические ежегодники России (далее – Ежегодники), Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи 1870–1916 гг. (далее – Обзоры), а также материалы специальных обследований городов (далее – СОГ). Ежегодники готовились и извигались Центральным статистическим комитетом МВД (далее – ЦСК МВД) (выходили ежегодно с 1904 по 1916 г.). Обзоры губерний – губернскими статистическими комитетами (далее – ГСК), сведения для них собирали полицейские органы, епархии и городские управления. СОГ также проводились ГСК при содействии городских учреждений.

Многими исследователями данные статистических обследований ЦСК МВД и губернских статистиков подвергались жёсткой критике. После переписи 1897 г. ЦСК МВД регулярно публиковал в своих ежегодниках данные о численности населения как по России в целом, так и по административным делениям (губерниям, уездам). Однако даже при самой поверхностной критической оценке этих данных они оказываются настолько неубедительными, что возможность их использования была поставлена под сомнение практически всеми авторами, касавшимися этого вопроса.

Сифман Р.И., проведя исследование по динамике численности населения России в 1897–1914 гг., пришла к выводу, что «ошибочность исчислений ЦСК МВД явилась... результатом недостоверности данных о механическом движении населения», что привело к тому, что уже с 1903 г. общий прирост населения превышал естественный прирост [1]. По ее мнению, это было связано с расчётами местных губернских статистических комитетов, но методика этих расчётов остаётся не раскрытой. На то, что такие расчёты существовали указывал и В.М. Кабузан. Губернские статистические комитеты и

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10020, <https://rscf.ru/project/19-78-10020/>.

ЦСК МВД с 1842 г. «ежегодно определяли примерную численность населения, исходя из данных о естественном движении населения и его переселениях из одной губернии в другую» [2, с. 100]. Поэтому очень скоро данные таких высчислений ЦСК МВД начали сильно искажать демографическую ситуацию в стране. «Исчисления же ЦСК МВД, публиковавшиеся с 1904 по 1916 г., принимали во внимание переселения лишь с 1909 г. и то в неполном объеме, а отток населения в города почти полностью игнорировали» [2, с. 101].

В самих обзорах губерний можно встретить сведения о том, что данные на некоторых территориях собирались приблизительные, в силу их отдаленности и труднодоступности (Приморская, Амурская область) [3, с. 9–11]. Однако, несмотря на такие недостатки, источник при его грамотной источниковедческой критике, является весьма информативным, зачастую содержит уникальную информацию, которая не отражается в других источниках, дает представление о развитии конкретной территории, в территориально-хронологическом контексте [4, с. 11–16; 5, с. 50; 6, с. 6].

Таким образом, все авторы с определенными оговорками положительно оценивали возможности использования статистических данных ЦСК МВД и губернских статистических комитетов для изучения численности населения Российской империи рубежа XIX – начала XX вв., в том числе населения городов.

Для сравнения показаний мы выбрали данные о численности городов Сибири вышеперечисленных источников только за 1904 и 1910 гг., т.к. только за эти годы есть возможность сопоставить данные всех трех источников. Таким образом, в докладе будет представлен компаративный анализ статистических данных о населении городов Сибири официальных изданий Центрального и губернских статистических комитетов за два года с целью выявления причин разночтений в них и определения степени достоверности.

В Ежегодниках нас интересовали только две таблицы: 1 – указано количество городов по уездам; 2 – с численностью населения по уездам, в том числе городского. Поскольку в Сибири в большинстве уездов был один город, то численность городского населения в уезде фактически соответствовала численности города. Исключение составили на 1904 г. Киренский и Томский округа, где были безуездные города – Илимск, Нарым и Колывань. В СОГ публиковались сведения о численности населения каждого города губернии.

Сопоставляя данные Ежегодников, Обзоров и СОГ, можно констатировать следующие разновидности разночтений.

Во-первых, запаздывание поступления данных и в ЦСК МВД, и в ГСК. Например, в Ежегоднике за 1904 г. нет данных о г. Ново-Николаевске, который на этот момент уже имел статус города. Всего городов в Сибири по Ежегоднику на 1904 г., и на 1910 г. указывалось 51, а по СОГ – 53. При этом численность г. Зея-Пристань в Обзоре Амурской губернии за 1910 г. имеется, но в таблице по количеству городов по Амурской губернии он не учтен, указан только один город (по факту же их было два – Благовещенск и Зея-Пристань) [7, с. 55–57].

Во-вторых, нами найдено подтверждение наличия расчетов при описании численности населения городов по городам Сибири. Так, в Обзоре Иркутской губернии указано, что расчет данных о населении был произведен путем прибавления к данным переписи 1897 г. результатов естественного движения населения с 28 января 1897 г. по 1 января 1911 г., а также числа прибывших в губернию ссыльных и переселенцев. Отмечалось, что этот способ не может считаться точным, т.к. кроме, естественного прироста, «существенное значение имеет прирост механический (по Забайкальской и Сибирской железным дорогам)» [8, с. 92]. Например, в г. Иркутске к 1911 г., учитывая только естественный прирост, численность населения составляла 52886 человек, а с механическим приростом – 126689 человек, т.е. разница больше, чем в два раза (!). Отсюда, видимо, появлялись столь большие различия в данных по некоторым городам.

В-третьих, разночтения в данных разных источников могут быть связаны с недоучетом некоторых категорий населения, например, воинского контингента, который размещался в городах. Так, особенностью данных СОГ на 1910 г. было указание численности воинского контингента в городах, доля которого для отдельных городов была внушительной, например, 48,2% от численности населения г. Никольска-Уссурийского Приморской области в 1910 г. составляли военные, в г. Троицкосавске Забайкальской области – 23,6%, в г. Канск Енисейской губернии – 20,4%, в г. Нерчинске Забайкальской области – 12,8%. В абсолютном выражении в г. Никольске-Уссурийском размещалось 23 тыс. военных из 47,4 тыс. населения на 1910 г. В Обзоре по Забайкальской области указано, что уменьшение численности населения г. Чита вызвано перемещением войск. В интересующие нас годы указана численность г. Читы по годам: 1904 г. – 41098 чел., 1910 г. – 97545 чел. Но обращает на себя внимание, что в 1909 г. численность составляла 74325 чел., а в 1911 г. – 78252 чел., т.е. можно предположить, что воинский контингент составил около 20 тыс. чел. и он находился в Чите в 1910 г. В СОГ нет данных о военных по Чите [9, с. 52; 10, с. 1020].

По г. Благовещенску в Обзорах и за 1904 и за 1910 гг. данные существенно отличаются от данных Ежегодников и СОГ. Возможно, не учитывали иностранцев. В Обзоре Амурской области за 1910 г. по Благовещенску указано, что российские подданных составляли – 59432 чел., иностранцы – 4951 чел. (большинство китайцев-мужчин). Аналогичная ситуация с Владивостоком, в котором на 1910 г. из 84,5 тыс. населения города иностранцы составляли 34,8 тыс. или 41% (преимущественно, китайцы) [11, с. 74]. Таким образом, подтверждается гипотеза о включении/исключении из разряда городского населения некоторых категорий жителей (военных, иностранцев).

Наконец, еще одной причиной разночтений мог быть не учет эпидемий, пожаров и миграции с ними связанных. Так, в Ежегодниках численность г. Туруханска к 1910 г. по расчетам должна была составлять примерно 1000 чел., но в Туруханске население не росло, что видно из Обзора Енисейской губернии и СОГ. В Обзоре за 1913 г. указано, что в г. Туруханске в апреле 1909 г. произошел сильный пожар, после которого административные учреждения и резиденция отдельного пристава с 1909 г. находятся в с. Монастырское, город теряет численность [12, с. 29].

Подводя итог, можно констатировать, что для определения численности городского населения однозначно достоверных источников нет. Фактически, для каждого города на каждом временном срезе требуется изучение обстоятельств формирования населения, учет или неучет разных факторов (переселения, военный контингент, иностранцы, механическое движение по транспортным путям и др.). В целом, сложилось впечатление, что более точные сведения даны в Обзорах и СОГ. Но Обзоры необходимо изучать комплексно за несколько лет. Наименьшие расхождения можно наблюдать по тем городам, на которые меньше влияли переселенческие процессы и другие факторы.

1. Сифман, Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. / Р. И. Сифман // Брачность, рождаемость и смертность в России и в СССР / под ред. А.Г. Вишневого. – М., 1977. – С. 62–82.
2. Кабузан, В. М. О достоверности учета населения России (1858–1917 гг. / В. М. Кабузан // Источниковедение отечественной истории : сб. статей. – М. : Изд-во «Наука», 1982. – С. 100–118.
3. Маджаров, А. С. Социальная история Сибири 50–80-х гг. XIX в. в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов / А. С. Маджаров, Е. Л. Пономарева // Известия Иркутского государственного университета. – 2015. – Т. 14. – С. 6–17.
4. Зайцев, М. В. Основные статистические источники для изучения развития российского города в XIX веке / М. В. Зайцев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. – 2015. – Т. 15, Вып. 3. – С. 11–18.
5. Кискидосова, Т. А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири 1850–1880-е гг. / Т. А. Кискидосова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 412. – С. 50–53.
6. Минаков, А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии / А. С. Минаков // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2. – С. 65–24.
7. Ежегодник России 1904, 1910 гг. – СПб., 1905–1911.
8. Обзор Иркутской губернии за 1910. – Иркутск, 1911.
9. Обзор Забайкальской области за 1911. – Чита, 1915.
10. Города России в 1904 и 1910 гг. – Т. 1–2. – СПб., 1906–1914.
11. Обзор Приморской области за 1910. – Владивосток, 1911.
12. Статистический обзор Енисейской губернии за 1913. – Красноярск, 1914.

Левин Е.В.

ПРОБЛЕМА УЧЕТА ЧИСЛЕННОСТИ ЭСТОНСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ЛАТЫШСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОГО, ОПОЧЕЦКОГО И ОСТРОВСКОГО УЕЗДОВ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

Псковскую губернию во второй половине XIX в. активно начинают заселять переселенцы из Прибалтийского края в лице эстонцев, латышей и немцев. Отсюда появилась проблема учёта численности мигрантов. Следует отметить, что этот компонент слабо развит в современном научном дискурсе. Особенно интересен данный вопрос на фоне проводившихся и по сей день переписей населения.

Задача работы состоит в том, чтобы проанализировать систему учёта численности эстонского, латышского и немецкого населения Псковского, Опочецкого и Островского уездов последней трети XIX в. Такие территории были выбраны, как граничащие с Витебской губернией.

При составлении данного исследования мы опирались на следующую методологическую базу. При разработке вопроса мы использовали математический метод при выявлении численности прибалтийского населения на данных территориях. Также применялся аналитический метод при анализе системы учёта переселенцев.

Проблематика учёта численности прибалтийских переселенцев в Псковской губернии второй половины XIX в. нашла отражение в работах Востокова Е. [9], Дементьева В. С. [10], Манакова А. Г. [13] и др. Но в данных исследованиях больше уделено внимания результатам переписей прибалтийского населения Псковской губернии. Источниками для нашего исследования послужили материалы Государственного архива Псковской области, а именно: делопроизводственная докумен-